

Дин Тянь пришел в трактир вместе с Чэн Да раньше остальных. Для гостей сдвинули два огромных стола, за которыми свободно могли рассестись по десятку человек. Не забыл молодой главный тюремщик и о тех, кто остался нести службу: велел собрать и отправить в уездную управу сытный обед в бамбуковых коробках. Вскоре один за другим начали стягиваться и гости.

Вот тут-то и пригодился Чэн Да. Он знал в уезде каждую собаку, а потому принялся бойко представлять Дин Тяню сослуживцев:

— Линь Ци ты уже знаешь. А вот Ян Ли и Лю Сэнь сейчас уехали с господином уездным судьей в управу префектуры, их здесь нет. Будь они в городе, мне бы ни за что не доверили всех знакомить.

Дин Тянь понимающе кивнул. Он ведь в управе всего первый день, вот и не успел повидаться с родней. Оказалось, те отбыли с господином Ма. Поездка в префектуру — дело прибыльное, при барине всегда и сыт, и пьян будешь.

Гостей собралось немного — всего восемнадцать человек. Если прибавить двоих дежурных да двоих уехавших, выходило двадцать два служки управы. С самим Дин Тянем — двадцать три, а коли посчитать еще и личного советника, то выйдет аккурат двадцать четыре. Настоящий годовой цикл, все двадцать четыре сезона!

— Это братья Чжан Цайлян и Чжан Вэньлян, это Гао Чжи, это Ду Фэйгуан, — сыпал именами Чэн Да, указывая то на одного, то на другого. — А вон там — Хэ Дали, Мэн Чэнь, Чжан Лун, Жэнь Цин, Линь Бай, Чжао Ху, Ван Чжао, Ма Хань...

Дин Тянь вежливо приветствовал каждого. Мужчины, разглядывая пятнадцатилетнего юношу — круглолицего, румяного, совсем еще мальчишку, — невольно проникались к нему симпатией и сразу начали поглядывать на него как на младшего братишку.

— Ты не переживай, парень, — добродушно прогудел один из них. — Раз уж служим в одной управе, в обиду тебя не дадим, приглядим если что.

Среди собравшихся Жэнь Цин и Линь Бай выделялись солидным возрастом и манерами умудренных опытом старших братьев. Глядя на остальных, Дин Тянь ловил себя на мысли, что эти люди больше похожи на суровых воинов, чем на обычных уездных служек управы. И предчувствие его не обмануло. Позже Чэн Да шепнул ему, что вся эта компания действительно хлебнула порошу на войне. Навоевавшись досыта, они решили сменить ремесло. Хватило одного слова их младшему генералу, и ветеранов пристроили на сытые хлеба в уездную управу. Для них это стало верным куском хлеба на всю жизнь, да и осели они здесь же, в уезде.

Тех, кто еще помнил прежнего главного тюремщика, Дин Дахая, среди служек управы осталось от силы человек десять. Все прочие пришли уже позже, а значит, Дин Тяню предстояло заслуживать их доверие с нуля.

Пока шло знакомство, хозяин трактира вместе с расторопными слугами начал метать на столы горячие блюда.

Время стояло раннее — едва миновал праздник «Дракон поднимает голову», самый разгар весенней бескормицы, когда прошлогодние запасы на исходе, а новый урожай еще и не посеян. В такую пору любой сытной еде рады, а уж о свежей зелени и мечтать не приходится. Разве что кто-то вырастит в деревянных ящиках на завалинке немного сочных перьев чеснока, душистого лука да накопит домашних соевых ростков. Тем не менее повара «Ароматного изобилия» расстарались на славу, выставив целых десять перемен блюд.

На столах исходили паром жирная свинина в густом красном соусе, запечённый в яйце золотистый карп, нежная баранина, томленная с сочной редькой, домашний цыпленок с ароматными лесными грибами и свиные ребрышки, тушёные со стручками сушёной фасоли. Следом подали легкие закуски: сочные ростки сои с мясной соломкой, пышную яичницу с зеленым луком, тонкую лапшу тофу с побегами чеснока и сытную похлебку из соевого творога в густом соусе.

Венцом трапезы стал суп со свежими листьями молодой капусты. Наваристый, сочащийся янтарным жирком бульон манил ароматом, а нежно-зеленые капустные листья, бывшие в эту пору невиданной роскошью, вызвали у суровых мужчин искренний восторг.

Вместо обычных каш на столах высились горы пышных пшеничных пампушек из тонкой белой муки — угощение по нынешним временам редкое и дорогое. Но главным украшением застолья стало вино. Слуги притащили пузатые кувшины со знаменитым местным крепким самогоном из деревни Процветания. Это была настоящая ядреная «одоли-гора» двойной возгонки, выгнанная исключительно из отборного зерна — именно такая, какую больше всего уважали служивые люди. Сейчас, когда на границах полыхала война, тратить драгоценное зерно на хмельное строго запрещалось. Но трактирщик расщедрился на старые запасы, заложенные в погреба еще лет шесть или семь назад, до начала лихолетья. Выстоявшееся в темноте и прохладе, вино стало на диво мягким, тягучим и душистым.

Дин Тянь поднялся, аккуратно держа чарку обеими руками:

— Эту первую чарку я хочу выпить за вас, братья. Я здесь человек новый. И пусть мне посчастливилось унаследовать дело покойного батюшки, я понимаю, что уважение нужно заслужить самому. Надеюсь, мы сработаемся и станем друг другу надежной опорой.

"Я ведь в прежней жизни успел закончить университет, а вот у прежнего хозяина этого тела ума в голове было негусто, хоть он и прочитал немало книг. Да и среди сидевших за столом служек управы грамотеев почти не водилось"

Понимая это, Дин Тянь сознательно начал свою речь красиво и вежливо, чтобы показать себя человеком воспитанным, а затем легко перешел на простой, понятный каждому язык.

— А парень-то малый не промах, складно звонит! — одобрительно рассмеялся Жэнь Цин,

поднимая свою чарку. — Ты не дрейфь, Дин Тянь. Хотя ты теперь и начальство, и хлебаешь щи не из нашего общего котла, но дело-то делаем одно. Так что присмотрим за тобой, не сомневайся.

— И то верно! Присмотрим, дело хозяйское! — наперебой загалдели остальные служки управы, дружно поддерживая слова ветерана.

После того как первая чарка была осушена до дна, мужчины весело потянулись палочками к исходящим паром яствам.

<http://bllate.org/book/19387/1986902>